

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

КЪ ВОПРОСУ

ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ РОССІИ.

ВЫПУСКЪ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія И. Н. Скорогорова (Навадлинская 43)

1894.

личность и напомнимъ только нѣкоторыя основанія, которыя приводятъ къ нему.

Прежде всего въ самомъ словѣ „личность“ кроется источникъ недоразумѣній.

Общество, говорятъ, состоитъ изъ личностей: только послѣднія реальны, а потому личность является творцомъ общественныхъ явленій ¹⁾ и т. п. Но почти во всѣхъ подобныхъ разсужденіяхъ упускается изъ виду, что тамъ, гдѣ начинается социологическое разсужденіе, одно понятіе подмѣнивается другимъ. Дѣло въ томъ, что слово „личность“ употребляется то въ смыслѣ определенной индивидуальности (напр., историческія личности), то просто въ смыслѣ отдѣльнаго человека, индивида, какъ представителя рода, или какъ представителя социальной группы ²⁾. Только личность въ послѣднемъ смыслѣ слова. *личность*—какъ это ни кажется нелѣпой *contradictio in adjecto*—совершенно *безличная*, есть основной элементъ социологіи, исходный пунктъ всякаго социологическаго разсужденія. Если социологія, несмотря на это, обращается къ социальной группѣ и изъ нея выводитъ личность, то она дѣлаетъ это не потому, чтобы она приравнивала социальной группѣ самостоятельное, независимое отъ составляющихъ ее личностей, существованіе, а просто потому, что личность, какъ конкретная индивидуальность, есть производная всѣхъ ранѣе жившихъ и современныхъ ей личностей, т.-е. социальной группы. Обособляя социальную группу отъ лич-

¹⁾ Юзовъ О. Н. 2 изд., т. 1, стр. 51.

²⁾ Своеобразно понимаетъ личность г. Михайловскій. Послѣдняя для него—«совокупность *всѣхъ* чертъ, свойственныхъ человѣческому организму *вообще*» Такимъ образомъ, личность для г. Михайловскаго—гармонически цѣлостный индивидуумъ (см. Сочиненія, т. IV, изд. 2-е, стр. 111 и др. въ статьѣ: Что такое прогрессъ?).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Историко-экономическій матеріализмъ.

I. «Личность» и социологія. Личность (индивидуальность), какъ результатъ процесса общественной дифференціаціи.—II. Идея и фактъ. Сознаніе и бытіе. Метафизическая вѣѣнность экономическаго матеріализма.—III. Непониманіе экономическаго матеріализма въ русской литературѣ.—IV. Основные положенія этого социологическаго ученія. Роль политическаго фактора. Государство.—V. Теорія телеологическаго прогресса. Энгельсъ объ историческомъ процессѣ. Разсужденія г. Николаева. Ихъ оцѣнка. — VI. Отношеніе между необходимостью и свободой.—VII. Объективность экономическаго матеріализма. Полемика Зомбарта съ Вольфомъ.—VIII. Оцѣнка роли государства и интеллигенціи съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма.

Dieser Begriff (der Persönlichkeit) dreht sich immer um sich selbst herum und bringt uns in Ansehung keiner einzigen Frage, welche auf synthetische Erkenntniss angelegt ist, weiter. *Kant.* (Kritik der reinen Vernunft. 2-е изд. Kehrbach'a 310).

I.

То социологическое ученіе, которое извѣстно подъ названіемъ „экономическаго матеріализма“, стоитъ на точкѣ зрѣнія, діаметрально противоположной „субъективному идеализму“. Оно просто игнорируетъ личность, какъ социологически ничтожную величину. Мы не за- даемся здѣсь подробной мотивировкой этого взгляда на

ности, мы подразумеваемъ подъ первой всё тѣ многообразныя взаимодействія между личностями, которыя возникаютъ на почвѣ социальной жизни и объективируются въ обычаяхъ и правѣ, въ нравахъ и нравственности, въ религіозныхъ представленіяхъ.

Многосторонняя индивидуальность историческаго дѣятели является, такимъ образомъ, только выраженіемъ того, что на немъ встрѣчаются и перекрещиваются многочисленные и разнообразныя социальныя воздѣйствія. Въ результатѣ анализа событій съ такой точки зрѣнія за великимъ человѣкомъ остается почти всегда такой же маленькій абсолютно индивидуальный остатокъ, какъ и у всѣхъ прочихъ людей ¹⁾. Соціологія можетъ съ легкимъ сердцемъ его отбросить.

Что соціологія въ самомъ дѣлѣ стремится всегда свести элементы индивидуальности къ социальнымъ источникамъ, въ этомъ убѣждаетъ любая попытка объяснить тотъ или другой крупный моментъ исторической эволюціи. Когда дѣло доходитъ до „исторической личности“ „великаго человѣка“, всегда является стремленіе выставить его, какъ „носителя“ духа известной эпохи, представителя своего времени, — его дѣйствія, его успѣхи и неудачи представить, какъ необходимые результаты всего предшествующаго хода вещей.

Противъ такого взгляда могутъ, пожалуй, возразить, что самый процессъ измѣненія видовъ совершается съ точки зрѣнія исторической морфологіи путемъ накопленія благоприятныхъ „индивидуальныхъ остатковъ“. Но не является-ли накопленіе въ данномъ случаѣ отрицаніемъ индивидуальности, не уничтожаетъ-ли оно послѣднюю? *Конечно, да.*

¹⁾ См. превосходную характеристику «генія» у Зиммеля. Die Probleme der Geschichtsphilosophie Leipzig. 1892, 25—26.

Эта идея, что индивидуальность принадлежитъ къ тѣмъ *minima*, которыхъ *praeceps* — соціологія — *non curat*, нашла себѣ яркое выраженіе въ ученіи о классовой борьбѣ, какъ основномъ процессѣ общественной эволюціи. Разъ личность въ смыслѣ индивида была сброшена со счетовъ, нужно было найти другой элементъ. Такимъ элементомъ оказалась социальная группа. Одинъ изъ новѣйшихъ соціологовъ ¹⁾ выразилъ соціологическое отрицаніе индивидуальности въ слѣдующемъ „парадоксальной“ фразѣ: „Величайшая ошибка индивидуалистической психологіи это — предположеніе, что мыслигъ *человѣкъ*“. Авторъ хотѣлъ этимъ сказать, что „образъ мыслей“ человѣка опредѣляется его принадлежностью къ той или другой социальной группѣ.

Игнорированіе „личности“ въ соціологіи, или, вѣрнѣе, ея устраниеніе изъ соціологіи, есть въ сущности только частный случай стремленія къ научному познанію, къ мышленію согласно принципу тождества. Этотъ принципъ, необходимое условіе всякаго опыта (въ философскомъ смыслѣ слова) познанія, требуетъ *уравненія* между причиной и слѣдствіемъ. „Индивидуальность“ существуетъ не только въ мірѣ духовномъ, но также и въ мірѣ физическомъ. Если человѣческій духъ, исходя изъ единства *логическаго* сознанія, ищетъ такого же единства во внѣшнемъ мірѣ, единства *нелогическаго, опытнаго*, то къ социальному процессу онъ не можетъ и не долженъ относиться иначе. Личности въ смыслѣ „индивидуальностей“ безконечно разнообразны. Теорія познанія имѣетъ дѣло съ трансцендентальнымъ, общечеловѣческимъ сознаніемъ; психологія интересуется

¹⁾ Гумпловичъ въ Grundriss der Sociologie.

(СРЪВЕ. КРИТИЧ. ЗАМѢТК.).

индивидуальнымъ сознаниемъ, лишь посколькѣ въ немъ проявляются общіе законы психическихъ процессовъ; поэтому для ней патологическіе случаи представляютъ высшій интересъ не сами по себѣ, а какъ средство для познанія нормального порядка явленій.

Въ пользу устраненія изъ социологии личности въ смыслѣ индивидуальности, не подлежащей дальнѣйшему объясненію, не допускающей никакого „уравненія“, говоритъ самый фактъ *соціального* происхожденія трансцендентальнаго (логическаго) и нравственнаго сознания ¹⁾. Трансцендентальное сознание есть то общечеловѣческое сознание, для котораго обязательны логическіе принципы, и которое всего лучше убѣждаетъ насъ въ реальномъ существованіи вѣшняго міра. Люди въ духовномъ отношеніи, быть можетъ, гораздо менѣе индивидуальны, чѣмъ въ тѣлесномъ. Понятіе субстанціальной, самостоятельной души, превращая отдѣльныя индивидуальныя сознания въ психическіе атомы и изолируя ихъ другъ отъ друга такъ же, какъ изолированы тѣлесные носители этихъ сознаний, не даетъ намъ проникнуть въ процессы коллективнаго, соціальнаго творчества (Riehl II, 2, 255). *Логическія* нормы вытекаютъ изъ формальнаго единства сознания *не одною*, а *всѣхъ*, находящихся между собой въ *духовномъ общеніи*, лю дей эти необходимыя и общія формы мыслительной работы

¹⁾ Das Sittliche hat eine gemeinschaftliche Quelle mit dem Logischen: das soziale Bewusstsein (Riehl Der philosophische Kritizismus u. seine Bedeutung für die positive Wissenschaft. Leipzig 1877—1887, II, 2, 75). Философское обоснованіе высказываемыхъ взглядовъ въ значительной степени опирается на названный трудъ Рихля. Вторая часть *второго* тома существуетъ въ русскомъ переводѣ (изд. Солдатенкова) подъ заглавіемъ: «Теорія науки и метафизика» (Москва, 1888).

и составляютъ трансцендентальное сознание (Riehl II, 2, 163).

Отрицаніе объективнаго познанія въ социологии есть необходимый результатъ смѣшенія *соціального* трансцендентальнаго сознания съ *индивидуальнымъ* психическимъ, такъ какъ „быть объективнымъ, значить быть обязательнымъ для каждаго познающаго существа“ („objectiv sein heisst für jedes erkennende Wesen gültig sein“. Riehl II, 2, 164).

Если мышленіе возможно только какъ „соціальное“, если истина есть представленіе рода, заблужденіе—представленіе индивидуума, если нравственной нормой для индивидуума *въ общемъ* является то, что представляетъ фактическую норму для соціальной группы ¹⁾, то не указываетъ-ли это на возможность и необходимость сведенія „индивидуальнаго“ къ общему, соціальному?

Для такого сведенія индивидуальнаго къ соціальному существуютъ свои весьма вѣскія *методическія* основанія. Соціальная группа болѣе удобный, болѣе, такъ сказать, податливый объектъ для изученія, чѣмъ индивидуальность; ея цѣли, ея тенденціи проще и потому прозрачнѣе, такъ какъ въ нихъ выступаетъ то, что обще всѣмъ индивидуальностямъ, что объединяетъ послѣднія ²⁾. Въ сущности та „норма познанія“, которая въ статистикѣ называется „закономъ большого числа“.

¹⁾ Ср. сочиненія *Зиммеля*: «Ueber soziale Differenzierung» Leipzig 1890 и «Einleitung in die Moraltwissenschaft», Bd. I, Berlin 1892. Груды *Зиммеля* показываютъ, какъ плодотворно внесеніе въ социологию *филоософскаго критицизма и научнаго психологическаго анализа*.

²⁾ Ср. Simmel, Ueber soziale Differenzierung 85—86. Въ этомъ мѣстѣ *Зиммель* полемизируетъ съ Гумпловичемъ, не называя его. Гумпловичъ отвѣчалъ *Зиммелю* въ «Soziologie und Politik» (Leipzig, 1892), S. 66.

заключаетъ въ себѣ отрицаніе индивидуальности: она прямо предполагаетъ ея игнорированіе. Но не только тогда, когда социальныя явленія изучаются статистически, — социологія *ни въ какомъ случаѣ* не можетъ признавать то, что мы называемъ индивидуальностью, за первичный фактъ, такъ какъ самое понятіе индивидуальности (не подлежащей дальнѣйшему объясненію) и соответствующій ему фактъ есть результатъ долгаго социальнаго процесса.

Зиммелю ¹⁾ удалось, какъ мнѣ кажется, вполне убедительно показать, что развитіе индивидуальности идетъ параллельно дифференціаціи и расширенію той группы, съ которой данную личность соединяють социальныя узы. Дѣло въ томъ, что развитіе индивидуальности есть результатъ дифференціаціи, раздѣленія труда, внутри данной социальной группы. Эта дифференціація, конечно, тѣмъ больше, чѣмъ шире сама группа. Тамъ, гдѣ все однородно, нѣтъ мѣста чувству индивидуальности, такъ какъ въ немъ выражается единство сознанія въ смѣнѣ разнообразныхъ впечатлѣній (въ широкомъ смыслѣ слова): всякое же *единство* познается только тогда, когда оно, такъ сказать, поставлено въ *мѣняющуюся* среду. Передъ сознающимъ „я“ проходятъ разнообразныя впечатлѣнія, и оно, являясь единственнымъ *постояннымъ* элементомъ, начинаетъ сознавать себя какъ вѣчто *самостоятельное, особое, личное*.

Чѣмъ однороднѣе (и индивидуальнѣе) социальная группа, тѣмъ менѣе индивидуальны ея члены; чѣмъ болѣе дифференцирована группа, тѣмъ болѣе индивидуальны ея члены. Установленное Зиммелемъ отношеніе между

¹⁾ См. цитированное только-что сочиненіе „Ueber soziale Differenzierung“ (Schmollers Forschungen X, 1), S. 45—69.

индивидуальностью личности и дифференціаціей группы носитъ существенно иной характеръ чѣмъ то, которое установлено русской субъективной социологической школой, въ частности г. Михайловскимъ, хотя и Зиммель признаетъ антагонизмъ между дифференціаціей группы и дифференціаціей индивидуума. На теоріи г. Михайловскаго и на его положеніи: *чѣмъ однороднѣе общество, тѣмъ разностороннѣе личность* ¹⁾, лежитъ нескрываемая печать субъективныхъ идеаловъ. Эта теорія и эта формула были призваны примирить идеальное всеобщаго равенства съ культурнымъ идеаломъ многосторонне развитой индивидуальности. Результаты анализа объективныхъ фактовъ, анализа, безспорно, весьма остроумнаго, были предрѣшены субъективной точкой зрѣнія. Зиммель предвидитъ возраженіе, что при значительной спеціализаціи занятій личность живетъ въ болѣе однородной обстановкѣ („атмосферѣ“), чѣмъ при слабомъ развитіи раздѣленія труда, по совершенно правильно указываетъ на то, что это понижающее „личность“ обстоятельство, главнымъ образомъ, вліяетъ на мышленіе и волю индивидуумовъ, тогда какъ *чувства* (Gefühle); которыя имѣютъ особенное значеніе для субъективнаго сознанія, возбуждаются именно у сильно дифференцированной личности, въ средѣ другихъ также сильно дифференцированныхъ личностей, и, реагируя на подобныя возбужденія, человекъ повышаетъ чувство своей собственной личности или даже, быть можетъ, впервые его проявляетъ; въ недифференцированной средѣ эти психическія реакціи отсутствовали бы. Это социологическое

¹⁾ Михайловскій выражаетъ эту мысль такъ: *чѣмъ разнороднѣе общество, тѣмъ уже поле развитія его членовъ и тѣмъ они однороднѣе* (Сочиненія т. IV, стр. 51).

обобщеніе имѣеть на нашъ взглядъ большое значеніе. Оно показываетъ, какъ личность вытекаетъ изъ среды, показываетъ *зависимость личности отъ среды*, именно *въ той сферѣ, въ которой личность мытитъ себя абсолютно независимой*. То возраженіе, которое предвидитъ Зиммель, можетъ быть устранено еще другими соображеніями: занятія спеціализируются, но вѣдь спеціализация не ведетъ къ полному ихъ обособленію; между спеціальностями существуетъ всегда связь, хотя бы та, что одна должна пользоваться услугами другой. Содержаніе жизни не только дробится, но оно умножается именно въ силу раздѣленія труда, причемъ постоянно происходитъ „сбереженіе силъ“. Отдѣльныя личности, въ большей или меньшей степени, становятся участниками этого болѣе разнообразнаго, богатаго содержанія. Раздѣленіе труда* есть необходимый результатъ растущаго несоотвѣтствія между потребностями людей и средствами ихъ удовлетворенія, доступными отдѣльнымъ личностямъ и мелкимъ социальнымъ группамъ. Только раздѣленіе труда, это грѣхопаденіе человѣчества — по ученію г. Михайловскаго, создало условія для развитія той „личности“, во имя которой г. Михайловскій справедливо протестуетъ противъ современныхъ формъ раздѣленія труда¹⁾.

Въ недифференцированной средѣ индивидуумъ будетъ „гармонически цѣлостенъ“... въ своемъ однообразіи и безличности. На всѣхъ разсужденіяхъ г. Михайловскаго предательски отражается его „субъективизмъ“, не дающій ему стать на историческую, эволюціонную точку зрѣнія. Реальная личность не можетъ быть „со-

¹⁾ Уже давно было замѣчено авторомъ «И. П.», что «общество, воплѣтъ удовлетворяющее требованіямъ *формулы прогресса* г. Михайловскаго бы общество не прогрессивное». (Формула прогресса г. Михайловскаго От. Зап. Т. СLXXXVIII, 235).

вокупностью *всѣхъ* чертъ, свойственныхъ человѣческому организму *вообще*“ просто потому, что такая полнота содержанія превышаетъ силы реальной личности. „*Гармоническая цѣлостность*“ индивидуума въ своемъ содержаніи *опредѣляется степенью развитія, т. е. дифференциацией, группы*. Такимъ образомъ для того, чтобы личность могла быть дифференцированной, она должна находиться въ дифференцированной средѣ, и въ этомъ выражается необходимая зависимость личности отъ группы. Этому, повидимому, противорѣчатъ столь рѣзко подчеркнутый г. Михайловскимъ и безспорно существующій антагонизмъ между личностью и группой. Но жизнь никогда не слагается изъ *абсолютныхъ* противорѣчій: въ ней все *текуче и относительно*, и въ тоже время всѣ отдѣльныя стороны находятся въ постоянномъ взаимодействіи. Въ этомъ заключается „мировая діалектика“, не знающая ничего абсолютнаго. Еще въ одномъ изъ своихъ первыхъ сочиненій основатель доктрины эволюческаго матеріализма указалъ на несостоятельность *абсолютизма* въ мышленіи [Karl Marx, *Mémoire de la philosophie* (противъ Прудона) нѣм. пер., изд. 1885 г., 94—122, ср. Engels Herrn Eugen Dühring *Umwälzung der Wissenschaft*, 2 Aufl. 1886. 1—17]. Если къ абсолютизму присоединяется еще субъективизмъ, то всѣ стороны перваго, такъ сказать, возводятся въ квадратъ. На нашъ взглядъ, выводы Зиммеля важны и поучительны, между прочимъ, именно потому, что ихъ сравненіе съ социологическими обобщеніями г. Михайловскаго бросаетъ яркій свѣтъ на непригодность такъ-называемаго субъективнаго метода. Только воплѣтъ объективный, историко-психологическій анализъ, которому предшествовала строгая критика социологическаго познанія на принци-

пахъ общей теоріи (или, что то-же, критики познанія) могъ привести къ такимъ выводамъ. Субъективная социологія, отрицающая самыя основы критическаго изслѣдованія, конечно, неспособна была къ анализу и критикѣ своего излюбленнаго понятія личности; безъ такой критики, однако, дальнѣйшія обобщенія неизбежно должны были нагромоздить ошибку на ошибку.

II.

Мы пытались намѣтить тѣ основанія, по которымъ социологія можетъ игнорировать „личность“. Последняя для социологіи есть функция среды, и тамъ, гдѣ социологія слѣдитъ за измѣненіями „личности“, она сводитъ ихъ къ измѣненіямъ среды. Личность тутъ является, такимъ образомъ, формальнымъ понятіемъ, содержаніе котораго дается изслѣдованіемъ социальной группы.

Намъ предстоитъ теперь перейти къ другой важной сторонѣ изложенной ниже социологической теоріи.

Эта сторона заключается въ томъ, что экономическій матеріализмъ подчиняетъ идею факту, сознание и долженствованіе—бытію. Современный критическій реализмъ долженъ признать, что жизнь, бытіе предшествуетъ сознанію, которое, въ борьбѣ организмовъ за существованіе, есть то орудіе, посредствомъ котораго они регулируютъ свои отношенія къ мѣняющимся условіямъ среды (Riehl, II, 2, 161). Сознаніе не существуетъ независимо отъ реальнаго міра. „Сознаніе, представляя для познающаго субъекта самое близкое, непосредственно данное ему явленіе, какъ бытіе (dem Dasein nach), наоборотъ, есть самое послѣднее и высшее, а потому и наиболѣе обусловленное явленіе“ („die am meisten vermittelte Erscheinung“). Riehl, ibidem).

Экономическій матеріализмъ, какъ попытка отыскать нѣкоторую правильность въ построившей историческxъ событіяхъ, самъ явился на сцену философскимъ построеніемъ исторіи, искавшимъ и находившимъ за реальными, психическими процессами, составляющими ее содержаніе, метафизическаго дѣятеля, которымъ оказывалась всегда кака-нибудь идея, абстрагированная отъ той же самой дѣйствительности, которую она должна была объяснить. Такимъ образомъ, идеи *инстализировались* въ исторіи, имъ присвоивалось самостоятельное, независимое отъ внѣшнихъ событій и процессовъ бытіе: идеи—по этому воззрѣнію—управляютъ исторіей¹⁾. Какъ реакція противъ идеалистической метафизики въ исторической философіи, экономическій матеріализмъ самъ, быть можетъ, носитъ на себѣ нѣкоторую метафизическую внѣшность. Тѣмъ не менѣе, по существу *ничего метафизическаго въ немъ нѣтъ*²⁾. Онъ устанавливаетъ только известную зависимость между элементами и формами экономическаго быта и всѣми прочими сторонами социальной и ео ipso „индивидуальной“ жизни (такъ какъ до-социальный и внѣ-социальный человекъ только голая и пригомъ въ общемъ—съ точки зрѣнія интересовъ познанія—вредная абстракція), между психическими явленіями, вытекающими изъ „поддержанія жизни“ (Lebensfürsorge—Липперта) и группирующимися вокругъ этого факта, и остальными психическими процессами.

Возьмемъ понятіе „товарное производство“: это весьма богатый содержаніемъ комплексъ представленій. Опираясь съ этимъ понятіемъ, мы пользуемся, какъ апріор-

¹⁾ Ср. Simmel. Die Probleme d. Geschichtsphilosophie. Leipzig 1892.

²⁾ Иначе смотритъ Зиммель (только что цит. соч. 85—86), но онъ иначе чѣмъ мы понимаетъ и метафизичность.

нимп, цѣлымъ рядомъ психологическихъ предпосылокъ. Вся политическая экономія опирается на нихъ. Если мы говоримъ, что „товарное производство“ не мирится съ экономическимъ равенствомъ, то подъ „товарнымъ производствомъ“ мы разумѣемъ такую форму общественнаго раздѣленія труда, при которой необходимо отсутствуютъ апріорно извѣстныя намъ психологическія условія экономическаго равенства. Товарное производство не является какимъ-то вѣншимъ факторомъ, опредѣляющимъ дѣйствія людей: это — опредѣленная форма удовлетворенія человѣческихъ потребностей, предполагающая существованіе извѣстныхъ правовыхъ институтовъ и опредѣленнаго правосознанія. Это, можно сказать, столько же психологическое, сколько и экономическое понятіе. Если мы говоримъ, что экономическіе факты являются первымъ звеномъ въ той причинной цѣпи, которую мы называемъ исторіей или соціальной эволюціей, то, въ сущности, это положеніе вытекаетъ изъ общаго сведенія всего индивидуальнаго къ соціальному. Недаромъ экономическіе факты до сихъ поръ считаются по преимуществу соціальными, такъ что, подчасъ, обозначенія „экономическій“ и „соціальный“ смѣшиваются, хотя это, очевидно, неправильно. Если „поддержаніе жизни“ составляетъ безспорно самое главное и общее содержаніе всякой, въ томъ числѣ и человѣческой, жизни; если идеальныя представленія — цѣли и такъ называемыя „идеалы“ возникаютъ не самопроизвольно въ головѣ „личности“, а всегда заимствуютъ свое содержаніе прямо или косвенно изъ фактически существующаго, — то уже эти общія соображенія представляютъ, на нашъ взглядъ, серьезный философскій фундаментъ для экономическаго матеріализма. Ничто въ

такой мѣрѣ не характеризуетъ современную *научную этику*, какъ именно ся матеріализмъ (или реализмъ), выражающійся въ сведеніи содержанія нравственности къ типически соціальному поведенію. То положеніе, которое представителями экономическаго матеріализма повторяется съ замѣчательной настойчивостью и гласитъ, что дѣйствительность, факты создаютъ идеалы, — составляетъ самое важное приобрѣтеніе *этики*, какъ *историко-психологической науки*. „Какъ всякое познаніе въ концѣ концовъ приводитъ только къ какому-нибудь самому общему и наипростѣйшему факту (Vorgang), который объясняетъ болѣе рѣдкія и индивидуальныя явленія, но самъ не подлежитъ дальнѣйшему объясненію; такъ, быть можетъ, конечнымъ пунктомъ, изъ котораго исходитъ всякая этическая оцѣнка, но который самъ не заимствуетъ своей цѣнности ни отъ чего высшаго, является самый общій, типическій образъ дѣйствій, служащій масштабомъ для оцѣнки поступковъ индивидуумовъ“ (Simmel, *Moralwissenschaft*, I, 67—68¹⁾).

III.

Попытаемся теперь изложить материалистическое пониманіе исторіи. Какъ извѣстно, оно было въ впошль опредѣленной формѣ выставлено впервые Марксомъ и Энгельсомъ. Относительно Маркса и въ частности при- мѣнительно къ Россіи можно, нѣсколько перефразируя извѣстное изреченіе, сказать: *Habent sua fata auctores!* Нигдѣ идеи Маркса не были такъ быстро реципи-

¹⁾ Зиммель (I, с. 107) совершенно справедливо замѣчаетъ: *Die Richtung der psychologisch—historischen Wissenschaft und ihrer Eifolge geht jetzt im Glauben dahin, im scheinbar (кренить нашъ) Individuel- len mehr und mehr den Ursprung aus der Allgemeinheit und die Richtung auf sie zu finden.*

рованы. какъ въ Россіи, не только публицистикой, но и такъ называемой „научной“ литературой (Н. П. Зиберъ, гг. Чушровъ, Иванюковъ, Коссовскій и нѣкоторые другіе); но вѣдѣ, быть можетъ, не приходится наткнуться на такое непониманіе Маркса. какъ у русскихъ публицистовъ. За доказательствомъ недалеко ходить. Обратимся къ гг. Михайловскому, В. В. и Юзову.

Приступая къ изложенію генезиса капитализма по Марксу, г. Михайловскій говоритъ: „Въ шестой главѣ „Капитала“ имѣется параграфъ, озаглавленный: „Такъ-называемое первоначальное накопленіе“. Здѣсь Марксъ имѣлъ въ виду дать историческій очеркъ первыхъ шаговъ капиталистическаго процесса производства, но далъ нѣчто гораздо большее—цѣлую философско-историческую теорію“. (Сочиненія VII изд. 2-е, „Карлъ Марксъ передъ судомъ Г. Ю. Жукѣвскаго“, стр. 334).

Юзовъ: повторяетъ буквально то же самое, только въ очень напвной формѣ: „теорія Маркса состоитъ въ томъ, что онъ считаетъ „капиталистическое производство“ необходимымъ моментомъ въ жизни народовъ“ (Основы народничества. Т. I-й. 2-е изд., стр. 362).

Ничуть не больше пониманія исторической философии Маркса обнаруживаетъ и г. В. В. „Эта схема генезиса капиталистическаго строя, какъ философская концепція,—говоритъ нашъ авторъ,—связывающая прошедшее, настоящее и вѣроятное будущее, объединяетъ достаточно полно и въ соотвѣтствіи съ дѣйствительностью лишь теченія общественной жизни, нашедшія себѣ выраженіе въ городахъ и другихъ крупныхъ центрахъ скопленія населенія. Только въ этихъ рамкахъ теорія сохраняетъ свою стройность, которою и производитъ впечатлѣніе въ свою пользу“. (Попытки обоснованія на-

родничества. „Русское Богатство“ 1892 г. № 3, стр. 69. ср. также Наши направленія. гл. III).

Неужели выясненіемъ генезиса капиталистическаго строя исчерпывается историко-философская теорія Маркса? Нѣтъ, ибо въ такомъ случаѣ это была бы не историко-философская теорія, а именно только—выясненіе причинныхъ связей, существующихъ между разными сторонами даннаго историческаго процесса. Историческая философія Маркса проникаетъ его ученіе о происхожденіи капиталистическаго строя, но она шире его; она, по мысли ея творца, охватываетъ *все возможныя измѣненія общественныхъ формъ*, какъ въ прошломъ, такъ и въ будущемъ; это—смѣлая попытка изъ одного начала объяснить весь историческій процессъ. Исторія капитала, изложенная въ знаменитомъ трактатѣ „Das Kapital“, представляетъ только блестящую иллюстрацію къ общей историко-философской теоріи. II. если русскіе публицисты этого не замѣтили, то это обстоятельство свидѣтельствуетъ, или о томъ, что они плохо усвоили себѣ духъ того писателя, къ которому такъ часто обращались, или же о томъ, что они просто недостаточно знакомы съ его литературной дѣятельностью въ ея цѣломъ. Еще въ „Misère de la philosophie“ (1847), въ „Манифестѣ“ (1848) и съ полной ясностью въ „Zur Kritik der politischen Oekonomie“ (1859) было высказано матеріалистическое пониманіе исторіи. Въ нашу задачу не входитъ то, что пѣмцы называютъ „Dogmengeschichte“ и мы поэтому не станемъ здѣсь останавливаться на генезисѣ историческаго матеріализма¹⁾. Какъ бы то ни было, это ученіе, въ эмбриональной

¹⁾ Статья Энгельса „Ueber historischen Materialismus“ (Neue Zeit XI, 1, 15—20 и 42—51) даетъ очень мало въ этомъ отношеніи.

формъ замѣтно еще у французскихъ социалстовъ и отъ нихъ до извѣстной степени воспринятое *Л. Штейномъ*, было рѣзко формулировано и послѣдовательно проведено только Марксомъ и Энгельсомъ. Въ трудахъ послѣдняго мы находимъ лучшее изложеніе историческаго матеріализма.

Мы не можемъ не признать, что чисто философское обоснованіе этого ученія еще не дано, и что оно еще не справилось съ тѣмъ огромнымъ конкретнымъ матеріаломъ, который представляетъ всемірная исторія. Нуженъ, очевидно, пересмотръ фактовъ съ точки зрѣнія новой теоріи; нужна критика теоріи на фактахъ. Быть можетъ, многія односторонности и слишкомъ поспѣшныя обобщенія будутъ оставлены. Но зерно ученія является, на нашъ взглядъ, вѣрнымъ. Хотя задача предлагаемыхъ очерковъ заключается не столько въ обоснованіи, и критикѣ историческаго идеализма и историческаго матеріализма, сколько въ ихъ противопоставленіи, но мы, конечно, не можемъ ограничиваться простымъ реферированіемъ раздѣляемыхъ нами взглядовъ.

IV.

„Новые факты,—говоритъ Энгельсъ (онъ разумѣетъ тутъ классовую борьбу между буржуазіей и пролетаріатомъ),—заставили подвергнуть новому пересмотру всю прежнюю исторію, и тогда оказалось, ... что всегда данная экономическая структура общества образуетъ то реальное основаніе, изъ котораго въ конечномъ счетѣ слѣдуетъ выводиться всѣ тѣ надстройки, которыми являются правовыя и политическія учрежденія, равно какъ религіозныя и философскія и всѣ прочія воззрѣнія каждаго даннаго историческаго періода. Такимъ образомъ,

идеализмъ былъ изнанъ изъ своего послѣдняго убѣжища, изъ исторіи, было дано матеріалистическое пониманіе исторіи и найденъ путь для объясненія сознанія людей изъ изъ бытія въ противоположность прежнему объясненію бытія изъ сознанія“ (AD, 11¹).

„Материалистическое пониманіе исторіи исходитъ изъ положенія, что производителю и затѣмъ обмѣну (курсивъ нашъ) предметовъ производства есть основа всякаго общественнаго порядка, что во всякомъ историческомъ обществѣ распределеніе продуктовъ и съ нимъ вмѣстѣ социальное расчлененіе на классы или сословія соотнобразуются съ тѣмъ, что и какъ производится и какъ продукты производства обмѣниваются. Согласно такому пониманію, причины всѣхъ общественныхъ измѣненій слѣдуетъ искать не въ головахъ людей, не въ ихъ увеличивающемся пониманіи вѣчной истины и справедливости, а въ измѣненіяхъ способовъ производства и обмѣна, не въ философіи, а въ экономіи данной эпохи. Пробуждающееся сознаніе, что существующія общественныя учрежденія неразумны и несправедливы, что „Vernunft Unsinn, Wohlthat Plage geworden“ (слова Гете изъ Фауста!) есть только признакъ, что въ методахъ производства и формахъ обмѣна въ тиши произошли перемѣны, съ которыми приспособленное къ прежнимъ экономическимъ условіямъ общественное устройство больше не согласуется“ (AD, 253). Производство съ цѣлью поддержанія жизни, являясь опредѣляющимъ моментомъ въ исторической жизни, бываетъ двоякаго рода „Съ одной стороны—производство жизненныхъ средствъ, предметовъ пропитанія, одежды, жи-

¹) Курсивъ нашъ. Подъ буквами AD (Anti-Dühring) мы цитируемъ известное полемическое сочиненіе Энгельса: Hegel Eugen Dührings Umwälzung des Wissenschaft Zweite Auflage 1886. Ср. цитированное мѣсто съ приведенными на стр. 40 словами *Рилля*.

лиць и необходимых для этого производства орудій; съ другой стороны—производство самихъ людей, продолженіе рода. Общественныя учрежденія, при которыхъ живутъ люди пзвѣстной исторической эпохи и известной страны, обусловливаются обоими родами производства, т.-е. опредѣляются степенью развитія съ одной стороны—труда, съ другой стороны—семьи. Чѣмъ меньше развитъ трудъ, чѣмъ ограниченнѣе масса его продуктовъ, т.-е. общественное богатство, тѣмъ болѣе господствуютъ въ общественномъ строѣ кровныя связи. Въ этомъ, основанномъ на кровномъ родствѣ, обществѣ между тѣмъ все болѣе и болѣе развивается производительность труда; съ тѣмъ вмѣстѣ развиваются частная собственность и обмѣнъ, различія въ богатствѣ, возможность пользоваться чужой рабочей силой—основа классовыхъ противорѣчій; словомъ, новые социальныя элементы, которые въ рядѣ поколѣній работаютъ надъ тѣмъ, чтобы приспособить старыя общественныя порядки къ новымъ условіямъ, пока, наконецъ, несомнѣстимость тѣхъ и другихъ не приводитъ къ полному перевороту. Старое, основанное на родовыхъ союзахъ, общество разбивается въ столкновеніи вновь развившихся общественныхъ классовъ; на его мѣсто становится новое общество, объединяемое въ государствѣ, подраздѣленіями котораго являются уже не родовыя, а территориальныя союзы,—общество, въ которомъ порядоки семьи вполне подчиняется порядку собственности и въ которомъ свободно развертываются тѣ классовыя противорѣчія и та классовая борьба, которыя составляютъ содержаніе всей писанной исторіи“ (Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staates. 4-te Aufl. 1892. VIII).

Въ послѣднее время обратили на себя вниманіе новый представитель экономического матеріализма (Лорія ¹⁾). Нѣкоторые считаютъ возможнымъ называть его послѣдователемъ Маркса и Энгельса, на томъ основаніи, что и онъ экономическія отношенія признаетъ фундаментомъ всѣхъ прочихъ и въ классовой борьбѣ видитъ основной процессъ социальна-экономической эволюціи. Но экономическій матеріализмъ М. и Э не исчерпывается указаніемъ на фундаментальный характеръ экономическихъ отношеній и на значеніе классовой борьбы. М. и Э. *специализировали* свою формулу, указавъ на опредѣляющую роль *способовъ производства и формъ обмѣна*. Доминирующее значеніе „экономики“ и „классовой борьбы“ указывалось еще до Маркса: роль способовъ производства и формъ обмѣна въ социальной эволюціи подчеркнута впервые имъ. И вотъ это-то положеніе, отличающее „марксизмъ“ отъ прочихъ экономическихъ объясненій исторіи рѣшительно отвергается Лорія ²⁾, который даже не знаетъ, что формула Маркса и Энгельса говоритъ не только о „способахъ производства“, но также и о „формахъ обмѣна“. Сходство экономического матеріализма Лорія съ экономическимъ матеріализмомъ Маркса ограничивается едва-ли не общимъ только положеніемъ, что политическое устройство, право, мораль и проч. представляютъ надстройку (Ueberbau, superstructure) надъ экономическими отношеніями; указаніе на „классовую борьбу“ занимаетъ въ ученіи Маркса иное мѣсто, чѣмъ у Лорія. Вообще, сходство между

¹⁾ Les bases économiques de la constitution sociale (Paris, 1893 F. Alcan). La terre et le système social въ «Revue d'économie politique» 1892. № 6.

²⁾ Въ названной статьѣ въ «Revue d'économie politique»

обими писателями—болѣе въ *фразеологii*, нежели въ идеяхъ. Для Маркса *капиталъ*—историческая категория, а для Лориа капиталистическая собственность существовала и въ эпоху рабства, и въ эпоху крѣпостного права. Ниже мы еще коснемся нѣкоторыхъ экономическxъ взглядовъ Лориа.

Положеніе о производствѣ и обмѣнѣ, какъ основѣ общественнаго порядка, занимаетъ центральное мѣсто въ ученіи М. и Э. Къ самому этому положенію приложимо материалистическое объясненіе: оно совершенно очевидно вытекло изъ наблюденій надъ современной экономической жизнью, въ которой—на глазахъ творцовъ теорiи—развитіе обмѣна и опирающагося на него производства совершали полный переворотъ. Если даже критика социологическаго познанія когда-нибудь докажетъ односторонность историко-экономическаго материализма М. и Э.,—за этимъ ученіемъ всегда останется та заслуга, что оно дало глубоко научное, по-истинѣ *философское*, истолкованіе цѣлому ряду историческихъ фактовъ огромной важности. Это было возможно только при помощи „*грандіознаго аппарата материалистической теорiи исторiи*“ (Sombart).

Какую роль историческiй материализмъ, который видитъ основной процессъ исторiи въ экономическихъ измѣненіяхъ, удѣляетъ фактору политическому, силѣ или насилию? Отвѣтъ на этотъ вопросъ данъ Энгельсомъ въ уже цитированной нами выше классической полемикѣ съ Дюрингомъ. Энгельсъ приводитъ мнѣніе послѣдняго, что политическія условія опредѣляютъ экономическое положеніе и что всякое направленіе, принимающее политическую группировку за исходный пунктъ не ради ея самой, а какъ средство для хозяйственныхъ цѣлей

(или по энергическому выраженію Дюринга для цѣлей жратвы—als Mittel für Futterzwecke), является до известной степени реакціоннымъ. Энгельсъ довольно много мѣста посвящаетъ опроверженію этого взгляда (I. с. 149—177). Онъ указываетъ на то, что фактъ политическiй *κατ' ἐξουχίην*—непосредственное господство человѣка надъ человѣкомъ, никогда не является и не можетъ являться само въ себѣ цѣлью, и что на сколько цѣль важнѣе, основнѣе (*fundamentaler*), чѣмъ примѣняемое ради нея средство, на столько въ исторiи экономической сторона важнѣе политической (АІ, 151). Это разсужденіе, на нашъ взглядъ, должно сдѣлаться исходной точкой для дальнѣйшаго развитія историко-экономическаго материализма. У Милля въ известномъ трактатѣ объ утилитаризмѣ прекрасно выисняется превращеніе средства для известной цѣли въ самодовлѣющую цѣль. Цѣлая масса явленій, подлежащихъ вѣдѣнію социологiи, относились первоначально къ поддержанію жизни въ широкомъ смыслѣ слова, какъ средство къ цѣли, какъ форма къ содержанію. Затѣмъ происходило обособленіе средства отъ цѣли, формы отъ содержанія. Однако, такой самостоятельности поставлены известныя границы, и въ каждомъ данномъ случаѣ изслѣдователю, который возьметъ себѣ въ руководители экономическiй материализмъ, надлежитъ показать, когда и какъ явилась *самостоятельность* и въ какихъ границахъ она можетъ развиваться, т.-е. расти. Мы нарочно подчеркиваемъ то обстоятельство, что, по нашему взгляду, такой самостоятельности поставлены вполнѣ опредѣленные границы. Вейсенгрюнъ ¹⁾ и г. Николаевъ ²⁾ слыш-

¹⁾ *Verschiedene Geschichtsauffassungen*, Leipzig, 1890.

²⁾ *Активный прогрессъ и экономическiй материализмъ*. Москва, 1892. О Вейсенгрюнѣ и г. Николаевѣ ср. обильную литературными ука-

комъ раздвигаютъ эти границы, т.-е. въ концѣ концовъ устраниютъ ихъ, чѣмъ отрицаютъ универсальность основного начала экономического материализма. Г. Николаевъ, кромѣ того, высказываетъ такіе взгляды на роль личности въ исторіи, которые совершенно подрываютъ самое ученіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно было формулировано Марксомъ и Энгельсомъ. Къ взглядамъ автора книги „Активный прогрессъ и экономическій материализмъ“ мы еще вернемся ниже.

Одной изъ общественныхъ формъ, способныхъ вести до известной степени самостоятельное существованіе, является государство. Государство, съ точки зрѣнія основателей экономического материализма, есть организція экономического, классового, господства. Уяснивъ постепенное разложеніе родового строя въ Атикѣ, Энгельсъ говоритъ: „недоставало только одного: организціи, которая не только обезпечивала бы вновь приобретенныя богатства отдѣльныхъ лицъ отъ коммунистическихъ традицій родового строя, не только освятила бы ранѣе столь мало цѣнимую частную собственность и охрану послѣдней объявила бы высшей цѣлью всякаго человеческого общенія, но также наложила бы печать всеобщаго общественнаго признанія на послѣдовательно развивающіяся новыя формы пріобрѣтенія собственности, т.-е. на все болѣе и болѣе ускоряемое накопленіе богатства; доставало организціи, которая не только увѣковѣчила бы возникающее раздѣленіе общества на классы, и право имущаго класса на эксплуатацію не-

заваніями и любознательными замѣчаніями статью Н. И. Карѣва «Замѣтки объ экономическомъ направленіи въ исторіи» въ «Историческомъ Обозрѣніи» (т. IV, стр. 1—3) и его же въ «Юридич. Вѣстн.» (1891 г. № 5—6) «Экономическое направленіе въ исторіи».

имущаго, господство перваго надъ послѣднимъ» (U. d. F. 104). Этотъ взглядъ на государство — незыблемо отъ стремленія послѣдняго къ болѣе или менѣе самостоятельному существованію, стремленія, которому поставлены опредѣленные границы — представляется намъ одностороннимъ. Государство есть, прежде всего, *организанія порядка*; организаніей же господства (классоваго) оно является въ обществѣ, въ которомъ подчиненіе однихъ группъ другимъ обуславливается его *экономической структурой*. Родовой бытъ зналъ известную организанцію порядка, другими словами, зналъ государство и ставъ въ основномъ и классовомъ обществѣ организаніей господства, государство не перестало, конечно, бытъ организаніей порядка; можно думать, что въ обществѣ, въ которомъ основы производства и распределенія будутъ иныя, чѣмъ существующія въ наше время, исчезнетъ господство однихъ социальныхъ группъ надъ другими, и государство перестанетъ бытъ организаніей господства, оставаясь въ то же время организаніей порядка и, конечно, *сохраняя свою принудительную власть*. Такой взглядъ находится въ полномъ согласіи съ глубоко вѣрнымъ положеніемъ Штейна, что каждый общественный порядокъ стремится создать свое собственное государство, и съ общимъ духомъ социологическаго ученія Маркса. Отрицаніе Марксомъ и его послѣдователями государства, отрицаніе, вытекающее изъ ихъ взгляда на государство, какъ на организанцію господства, по нашему мнѣнію, съ одной стороны объясняется тѣмъ, что они увлеклись слишкомъ далеко въ критикѣ *современнаго государства*, съ другой стороны напоминаетъ о генетической близости воззрѣній Маркса съ *ранними* взглядами Прудона.

V.

Теперь намъ предстоитъ совершить нѣкоторую — какъ говорятъ нѣмцы — Auseinandersetzung съ теоріей активнаго или телеологическаго прогресса, выставленной Л. Уордомъ и популяризованной у насъ г. Николаевымъ. *„Явленія телеологическія слѣдуютъ, во всякомъ случаѣ, другимъ законамъ, отличнымъ отъ законовъ явленій генетическимъ“* (курсивъ нашъ). Основная движущая сила этихъ явленій есть *волевое усиліе* человѣка“ (П. Николаевъ. „Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ“, стр. 81). Спрашивается теперь: признаютъ-ли Л. Уордъ и его популяризаторъ детерминированность „волевыхъ усилій“ или, что то же, возможно-ли, съ ихъ точки зрѣнія, каузальное истолкованіе телеологическаго прогресса? ¹⁾. Если да, то очевидно, что, съ точки

¹⁾ Попытку такого истолкованія и представляетъ доктрина экономического матеріализма. «Понятіе цѣли.—говоритъ Рязь.—подчинено понятію причинности, потому что оно есть понятіе особаго вида причинности, именно причинности воли. Поэтому мы не только имѣемъ право, но и вынуждены искать основаніе цѣли и должны при этихъ поискахъ обращаться къ естественнымъ свойствамъ (Naturbeschaffenheit) того существа, которое ставитъ себѣ цѣли. Изъ природы даннаго существа вытекаетъ съ необходимостью, какія цѣли оно преслѣдуетъ и должно (muss) преслѣдовать. Если бы мы могли достаточно далеко прослѣдить причины этихъ природныхъ свойствъ (dieser Naturbeschaffenheit), то мы бы въ концѣ концовъ пришли бы къ тѣмъ элементамъ и общимъ законамъ реального міра, изъ комбинаціи которыхъ произошли воля и цѣли нашего существа. Общая закономерность вещей, такимъ образомъ, является основаніемъ для того особеннаго вида закономерности въ произвольныхъ дѣйствіяхъ одушевленныхъ существъ, который представляется сознанію этихъ существъ, какъ цѣлесообразность. Безъ законосообразности нѣтъ цѣлесообразности. Законосообразность обнимаетъ собою цѣлесообразность; такимъ образомъ, она есть форма пониманія явленій природы» (Riehl II, 2, 338). «Цѣль не можетъ служить принципомъ объясненія какого-либо факта (Vorgang) во внѣшней природѣ, хотя бы этотъ фактъ былъ самъ цѣлесообразнымъ дѣйствіемъ: волевымъ актомъ одушевленнаго существа» (354). «Необходимость есть принципъ

зрѣнія объективнаго научнаго изслѣдованія. между прогрессомъ генетическимъ и телеологическимъ нѣтъ разницы по существу; послѣдній, по своей сложности, только труднѣе поддается изслѣдованію.

„Цѣлевые представленія“, значеніе которыхъ такъ подчеркивается Вундтомъ ¹⁾, для эволюціи всего органическаго міра не только могутъ, но и должны быть введены въ *общую цѣль причинности*. Матеріалистическая теорія исторіи вполне объемлетъ и совмѣстную цѣлесообразную дѣятельность людей: она только указываетъ на зависимость ея отъ матеріальныхъ экономическихъ условій, выводитъ ее изъ послѣднихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ томъ указаніи, что люди сознательно преслѣдуютъ извѣстныя цѣли, что въ силу этого они не могутъ на практикѣ смотрѣть на себя иначе какъ на дѣятелей прогресса; что такимъ образомъ извѣстная доктрина laissez faire, laissez passer, съ которой въ лицѣ Спенсера сражается Уордъ, не имѣетъ подъ собою никакой теоретической почвы—во всемъ этомъ нѣтъ ничего новаго. Въ „*Misère de la philosophie*“ мы читаемъ, что „опредѣленные социальныя условія являются такими же продуктами людей, какъ сукно, полотно и т. п.“ (нѣм. пер. изд. 1885, 100—101); тамъ же мы встрѣчаемъ бѣдную насмѣшку надъ „естественными законами“ политической экономіи. Положеніе, что „люди сами дѣлаютъ свою исторію“ или ничего не объясняетъ въ исторіи, или же представляетъ собою отрицаніе возможности какого бы то ни было научнаго

теоретическаго пониманія вещей, цѣлесообразность — принципъ ихъ практической оцѣнки и управленія ими» (356). Но «моральныя причины принадлежатъ вмѣстѣ съ физическими къ одному единому каузальному строю вещей Ихъ различіе существуетъ только въ явленіи, а не для разсудка, который можетъ абстрагировать отъ различія въ явленіи» (231).

¹⁾ Ср. его Logik (Leipzig, 1880—1883), I, 580—585 и въ особенности II, 449.

объясненія историческихъ фактовъ. Для того, чтобы читатель уяснилъ себѣ, какъ смотрятъ представители историко-экономическаго матеріализма на эту сторону вопроса, мы должны привести слѣдующее разсужденіе Энгельса: „исторія развитія человѣческаго общества существенно отличается отъ исторіи развитія въ природѣ. А именно, въ природѣ (поскольку мы оставляемъ въ сторонѣ обратное вліяніе на нее человѣка) дѣйствуютъ одна на другую лишь слѣпныя бессознательныя силы, и общіе законы проявляются лишь путемъ взаимодействія такихъ силъ. Здѣсь нигдѣ нѣтъ сознательной, желанной цѣли: ни въ безчисленныхъ кажущихся случайностяхъ, видимыхъ на поверхности, ни въ окончательныхъ результатахъ, показывающихъ, что среди всѣхъ этихъ случайностей явленія совершаются сообразно общимъ законамъ. Наоборотъ, въ исторіи общества дѣйствуютъ люди, одаренные сознаниемъ, движимые убѣжденіемъ или страстью, ставящіе себѣ опредѣленные цѣли. Здѣсь ничто не дѣлается безъ сознательнаго намѣренія, безъ желанной цѣли. Но какъ ни важно это различіе для историческаго изслѣдованія, особенно отдѣльныхъ эпохъ и событій, оно не мало не измѣняетъ того факта, что ходъ исторіи опредѣляется общими законами. Въ самомъ дѣлѣ, на поверхности явленій и въ этой области, не смотря на сознательныя и желаемыя цѣли людей, царствуетъ кажущаяся случайность. Желанное совершается лишь въ рѣдкихъ случаяхъ; по большей же части цѣли, поставленныя себѣ людьми, приходятъ во взаимныя столкновенія и противорѣчія, или оказываются недостижимыми, частью по своему существу, частью по недостатку средствъ. Столкновенія безчисленныхъ отдѣльныхъ стремленій и отдѣльныхъ дѣйствій приводятъ въ области исторіи, къ

состоянію, совершенно подобному тому, которое господствуетъ въ бессознательной природѣ¹⁾. Дѣйствія имѣютъ известную желанную цѣль; но результаты, вытекающіе изъ этихъ дѣйствій, часто вовсе не желательны. А если они, повидимому, и соответствуютъ желанной цѣли, то въ концѣ концовъ они несуть съ собою далеко не одно то, что было желательно. Такимъ образомъ, кажется, что, въ общемъ, случайность одинаково господствуетъ и въ исторической области. Но гдѣ на поверхности господствуетъ случайность, тамъ сама эта случайность всегда обазывается подчиненной внутреннимъ, скрытымъ законамъ. Все дѣло въ томъ, чтобы открыть эти законы.

Каковъ бы ни былъ ходъ исторіи, люди дѣлаютъ ее такъ: каждый преслѣдуетъ свои собственныя, сознательныя цѣли, а въ результатѣ множества дѣйствующихъ по различнымъ направленіямъ стремленій и ихъ разнообразныхъ воздѣйствій на внѣшній міръ получается исторія. Вопросъ сводится, стало бытъ, къ тому, чего хочетъ это множество отдѣльныхъ лицъ. Воля опредѣляется страстью или сознательнымъ рѣшеніемъ. Вліянія же, которыми, въ свою очередь, непосредственно опредѣляется страсть или рѣшеніе, далеко неодинаковы. Иногда они исходятъ отъ внѣшнихъ предметовъ, иногда—отъ идеальныхъ двигателей: честолюбія, „восторженной любви къ истинѣ и праву“, личной ненависти или даже всякаго рода прихотей. Но, съ одной стороны, мы уже видѣли,

¹⁾ Ср. замѣчанія Зиммеля. . . . es ist . . . offenbar, welchen Irrthümern die naive Voraussetzung unterliegt, die die zufällige Verbindung zwischen den Handlungen der Einzelnen oder der Gruppen ohne weiteres in bewussten psychischen Vorgängen sucht, aus deren teleologischem Character jene entspringen (Die Probleme d. Geschichtsphilosophie 12). И тамъ же далѣе (13): Für das Gewebe des sozialen Lebens gilt ganz besonders: Was er webt, das weiss kein Weber

что дѣйствующія въ исторіи многія единичныя стремленія въ большинствѣ случаевъ ведутъ за собою со-всѣмъ не тѣ послѣдствія, какія имѣлись въ виду, — очень часто прямо противоположныя желаніямъ дѣятелей. И уже, по одному этому, побужденія, руководившія дѣятелей, имѣютъ, въ послѣднемъ счетѣ, лишь второ-степенное значеніе. А съ другой стороны является но-вый вопросъ о томъ, каковы же тѣ силы, которыя дали волѣ людей то или иное направленіе, каковы тѣ историческія причины, которыя въ головахъ дѣятелей преобразуются въ тѣ или другія побужденія?

Старый матеріализмъ никогда не задавался такимъ вопросомъ. Взглядъ его на исторію, поскольку онъ имѣлъ такой взглядъ — былъ существенно прагматиче-скій: онъ судилъ объ историческихъ событіяхъ сообразно побужденіямъ дѣятелей, дѣлилъ этихъ дѣятелей на чест-ныхъ и плутовъ и находилъ, что въ большинствѣ слу-чаевъ честные оказывались въ дуракахъ, а плуты тор-жествовали. Изъ этого обстоятельства для него выте-калъ лишь тотъ выводъ, что въ исторіи очень мало на-зидательнаго, а для насъ вытекаетъ тотъ, что въ исто-рической области старый матеріализмъ измѣнялъ себѣ, считая дѣйствующія тамъ идеальныя побудительныя силы послѣдними причинами событій, вмѣсто того, чтобы изслѣдовать, что за ними кроется, каковы побудитель-ныя силы этихъ побудительныхъ силъ. Не въ томъ со-стояла его непослѣдовательность, что онъ признавалъ существованіе идеальныхъ побудительныхъ силъ, а въ томъ, что онъ остановился на нихъ, не стремясь про-никнуть дальше, дойти до причинъ, создавшихъ эти силы. Напротивъ, философія исторіи, особенно въ лицѣ Гегеля, признавала, что какъ явныя, выставлемыя на

показъ, такъ и дѣйствительныя, тайныя побужденія историческихъ дѣятелей вовсе не представляютъ собою послѣднихъ причинъ историческихъ событій, что за этими побужденіями стоятъ другіе двигатели, которые и надо изучать. Но философія исторіи искала этихъ двигателей не въ исторіи: она приносила ихъ туда извнѣ, изъ философской идеологіи. . . . .

Когда заходитъ рѣчь объ изслѣдованіи тѣхъ при-чинъ, отъ которыхъ — сознательно или бессознательно — зависѣли побужденія историческихъ дѣятелей и кото-рыя были, стало быть, истинными, послѣдними причи-нами историческихъ событій, то надо имѣть въ виду не столько побужденія отдѣльныхъ лицъ, хотя бы и са-мыхъ замѣчательныхъ, сколько тѣ побужденія, которыя приводятъ въ движеніе большія массы: цѣлыя народы или цѣлыя классы даннаго народа. Да и здѣсь важны не кратковременные взрывы, не скоропроходящіе всплески, а продолжительныя движенія, причиняющія великія исто-рическія перемѣны. Искать тѣхъ причинъ, которыя ясно или неявно, непосредственно или въ идеологиче-ской, быть можетъ, даже въ фантастической формѣ, отра-жаются, какъ сознательныя побужденія, въ головахъ массы и ея вожаковъ, такъ-называемыхъ великихъ лю-дей, — вотъ единственный путь, ведущій къ познанію законовъ, господствующихъ въ исторіи вообще и въ ея отдѣльныхъ періодахъ или въ отдѣльныхъ странахъ. Въ головахъ людей непремѣнно отражается все то, что побуждаетъ ихъ къ дѣятельности“ (F. Engels L. Feuer- bach u. der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie. Stuttgart. 1888. 50—54).

Съ этой точки зрѣнія роль личности въ исторіи не

имѣетъ никакого самостоятельнаго значенія. Экономическій матеріализмъ, повторяемъ, игнорируетъ личность въ смыслѣ индивидуальности. Г. Николаевъ этого не усмотрѣлъ, и мы находимъ у него слѣдующія странная разсужденія: „Спенсеръ въ своей „Соціологіи“ высказываетъ положеніе, что личность могла играть роль на зарѣ исторіи, въ первобытной ордѣ и въ обществахъ милитарнаго типа; но впослѣдствіи ея роль ступеневывается. Дѣло какъ разъ—и это доказываетъ та же исторія—было наоборотъ. Нашъ историкъ Соловьевъ говоритъ, что „великіе люди степей не дѣлаютъ ничего, что бы вышло изъ границъ быта, потребностей своего народа, ничего не измѣняютъ въ этомъ дѣлѣ... Народъ и до нихъ былъ хищный и т. д. Умираетъ великій человѣкъ и народъ, всколыханный имъ, приходитъ въ прежнее состояніе, къ прежнему историческому событію... Внутреннихъ перемѣнъ, перемѣнъ въ бытѣ, великій человѣкъ произвести не можетъ“. Изученіе историческихъ фактовъ доказываетъ вѣрность положенія Соловьева. Въ вопросѣ о роли личности въ исторіи все дѣло—въ постановкѣ вопроса, т.-е. въ томъ, въ какую эпоху историческаго процесса и при какомъ развитіи экономическихъ основъ опредѣляется роль личности. Экономическій матеріализмъ съ бѣльшей или меньшей опредѣленностью уясняетъ вопросъ. Онъ долженъ (?) признать роль личности въ процессѣ растушею функціей. При господствѣ семейныхъ отношеній эта роль ничтожна и случайна, если только вообще личность играетъ какую-либо роль. Даже примѣръ Соловьева (Чингизъ-ханъ и Тамерланъ) взять изъ эпохи не первобытной, а такой, когда экономическія отношенія начали выдѣляться изъ семейныхъ. При господствѣ экономическихъ отношеній, т.-е. при образо-

ваніи сравнительно сложной искусственной среды, эта роль увеличивается, такъ какъ сама искусственная среда представляетъ до извѣстной степени сознательное или бессознательное созданіе человѣка, и чѣмъ дальше идетъ развитіе этой общественной эпохи и усложненіе искусственной среды, тѣмъ роль личности должна быть шире, вліятельнѣе. *Сама эволюція фазисовъ экономического развитія произошла не безъ участія влітія личности. Мы уже говорили объ ускореніи процесса капитализаціи въ Англій парламентскими актами.* Такихъ фактовъ въ исторіи много и они только недостаточно координированы (?), чтобы быть истолкованными Въ конечной стадіи выдѣленія изъ экономическаго фундамента интеллектуальныхъ и политическихъ элементовъ роль личности дѣлается громадной. Можно предвидѣть ту эпоху, когда она сдѣлается даже преобладающей, что, конечно, будетъ тогда, когда наступитъ періодъ производства интеллектуальныхъ и социальныхъ условій дальнѣйшаго существованія человѣческаго общества или, говоря словами Уорда, телеологическій прогрессъ вмѣсто генетическаго. Это собственно все, что можетъ сказать гипотеза экономического матеріализма, какъ гипотеза историческая. Она только должна доказать это координированіемъ историческихъ фактовъ. Дальнѣйшее же уясненіе вопроса о роли личности относится къ области психологіи, а не исторіи, и въ исторію можетъ войти только какъ матеріалъ для ея построеній.

И, однако, если гипотеза можетъ доказать только то, что роль личности есть растушая общественная функція, то и этого довольно. Она однимъ этимъ открываетъ человѣчеству блестящія перспективы и является гипотезой благородной и высоко-моральной“ (?). (I. с. 162—163)

Подчеркнутыя нами слова привели насъ въ изумленіе, въ которомъ мы до сихъ поръ пребываемъ. Если „ускореніе процесса капитализаціи въ Англіи парламентскими актами“ относится на счетъ роли личности въ исторіи, то мы признаемъ, перестаемъ понимать, что вообще значить это словосочетаніе. Если все случаи, когда дѣйствуютъ люди, принимаемъ за проявленія творческой дѣятельности личности, то почти ничего другого въ исторіи не увидишь. И добро бы еще г. Николаевъ привелъ примѣры воздѣйствія на среду великихъ людей, а то онъ говоритъ намъ о парламентскихъ актахъ, исходившихъ отъ парламентскаго большинства, которое въ этихъ случаяхъ являлось простымъ выразителемъ извѣстныхъ классовыхъ стремленій. Это—классическій образецъ классоваго господства (Klassenherrschaft) и классоваго законодательства (Klassengesetzgebung), а намъ преподносятъ его, какъ произведеніе личности. Въдѣ „принципъ личности“ для тѣхъ, кто дѣлаетъ его активнымъ элементомъ историческаго процесса, есть „самоопредѣляемость, т.-е. самобытность, какъ выработка идей дѣятельностью собственной мысли, и самостоятельность, какъ стремленіе къ достиженію личныхъ (не въ смыслѣ эгоистическихъ, а въ смыслѣ самостоятельно поставленныхъ) цѣлей; личность, пассивно воспринимающая идеи изъ окружающей культуры, личность, пассивно повинующаяся требованіямъ данной соціальной организаціи, есть произведеніе надъ-органической среды, а она опредѣляется извнѣ; она не самобытная личность, а экземпляръ культурной группы, она не самостоятельная личность, а какъ бы клѣточка соціальной организаціи“. (Карѣевъ. „Сущность историческаго процесса“, 613—614).

Въ немногихъ словахъ наше мнѣніе о теоріи телео-

логическаго прогресса Уорда таково: поскольку это ученіе указываетъ на цѣль, какъ на факторъ прогресса, оно ничего новаго не говоритъ, поскольку же оно навязываетъ соціологіи практической характеръ и субъективизмъ, оно отрицаетъ самую основу научной методологіи и должно быть отвергнуто—а limine. Такимъ образомъ мость, который г. Николаевъ хотѣлъ при содѣйствіи Уорда перекинуть отъ экономическаго матеріализма къ субъективному идеализму, долженъ быть признанъ сооруженіемъ негоднымъ.

VI.

Экономическій матеріализмъ открываетъ очень широкія перспективы человѣчеству. Но эти широкія перспективы вытекаютъ не изъ творческой дѣятельности „личности“, а являются необходимымъ результатомъ матеріальнаго процесса. — „Общество завладѣваетъ средствами производства и такимъ образомъ устраняетъ товарное производство и господство продукта надъ производителемъ. Анархія внутри общественнаго производства замѣняется планомѣрной сознательной организаціей. Борьба за индивидуальное существованіе прекращается. Только теперь человѣкъ въ извѣстномъ смыслѣ окончательно выходитъ изъ предѣловъ животнаго царства. Его условія существованія изъ животныхъ становится дѣйствительно человѣческими. Совокупность окружающихъ человѣка жизненныхъ условій, которая до сихъ поръ господствовала надъ людьми, становится теперь подъ господство и контроль людей, которые теперь впервые дѣлаются истинными господами природы, потому что и поскольку они становятся господами своего собственнаго обобществленія. Законы ихъ собственной обществен-

ной дѣятельности, которые до сихъ поръ являлись для людей чуждыми, господствующими надъ ними законами природы, съ полнымъ знаніемъ прилагаются теперь людьми и подпадаютъ подъ ихъ господство. Собственное обобществленіе людей, которое являлось для нихъ до сихъ поръ чѣмъ-то навязаннымъ имъ природой и исторіей, становится теперь ихъ собственнымъ свободнымъ дѣяніемъ. Объективныя чуждыя силы, которыя до сихъ поръ господствовали надъ исторіей, подчиняются теперь контролю людей. Только съ этого момента люди будутъ съ полнымъ сознаніемъ сами дѣлать свою исторію, только съ этого момента приводимыя ими въ движеніе общественныя причины будутъ преимущественно и въ растущей мѣрѣ имѣть желательныя послѣдствія. Таковъ прыжокъ человѣчества изъ царства необходимости въ царство свободы“ (A. D. 270—271)¹⁾. Личность во всемъ этомъ не причемъ. Какъ же понимаетъ Энгельсъ отношеніе свободы къ необходимости. „Гегель былъ первый, который правильно указалъ отношеніе между свободой и необходимостью. Для него свобода есть пониманіе необходимости. Необходимость слѣпа только поскольку мы ее не понимаемъ. Свобода заключается не въ воображаемой независимости отъ законовъ природы, но въ познаніи этихъ законовъ и въ вытекающей изъ него возможности планомерно пользоваться ими для опредѣленныхъ цѣлей. Это относится одинаково, какъ къ законамъ внѣшней при-

¹⁾ Это мѣсто ясно показываетъ, что и та зависимость между явлениями соціальной жизни, которая составляетъ содержаніе доктрины экономическаго матеріализма, подлежитъ, съ точки зрѣнія творцовъ теоріи, общему закону «*мировой диалектики*», т. е. *эволюции*. Она, эта зависимость, не есть ничто такое, что бы существовало «отъ вѣка и до вѣка». Но, настаиваемъ, *личность тутъ не причемъ*. На оборотъ, «царство свободы» предполагаетъ господство коллективизма, т. е. возможно только при подчиненіи личности обществу.

роды, такъ и къ тѣмъ, которые управляютъ вѣсною и духовною жизнью человѣка—два рода законовъ, которые мы можемъ раздѣлить только въ представленіи, а не въ дѣйствительности. Свобода воли поэтому есть не что иное, какъ способность сознательно (mit Sachkenntnis) принимать какое нибудь рѣшеніе. Чѣмъ свободнѣе, стало быть, сужденіе человѣка о какомъ нибудь вопросѣ, тѣмъ болѣе необходимымъ является содержаніе этого сужденія, тогда какъ вытекающая изъ незнанія неувѣренность, которая дѣлаетъ, повидимому, совершенно произвольный выборъ между многими разнообразными и противорѣчивыми рѣшеніями, тѣмъ самымъ доказываетъ свою несвободу, свое подчиненіе тому предмету, который долженъ бы былъ быть ей подчиненъ. Свобода заключается, такимъ образомъ, въ основанномъ на познаніи законовъ природы господствѣ людей надъ собой и надъ внѣшней природой; поэтому, свобода можетъ быть только продуктомъ историческаго развитія“ (A. D. 103—104).

VII.

Такъ какъ наша главная задача—противопоставить субъективному идеализму экономическій матеріализмъ, то мы должны остановиться еще на объективизмѣ послѣдняго. Экономическій матеріализмъ носитъ глубоко-историческій характеръ. Классическій примѣръ *объективности* и *историчности* экономическаго матеріализма представляютъ разсужденія Маркса и Энгельса о рабствѣ и его значеніи въ соціально-экономической эволюціи. „Только рабство дало возможность провести въ крупномъ масштабѣ раздѣленіе труда между земледѣліемъ и промышленностью и такимъ образомъ создало цвѣтъ античнаго міра—греческую культуру. Безъ рабства не было

бы греческаго государства; не было бы греческаго искусства и греческой науки. Безъ рабства не было бы римскаго государства, а безъ греческой культуры и римскаго государства не существовало бы современной Европы. Мы не должны никогда забывать, что все наше экономическое, политическое и интеллектуальное развитие предполагаетъ состояніе, въ которомъ рабство было необходимо и пользовалось всеобщимъ признаніемъ. Поэтому мы имѣемъ право сказать: безъ античнаго рабства не было бы современнаго социализма. Очень легко (es ist sehr wohlfeil) обрушиваться общими фразами на рабство и изливать моральное негодованіе на „подобныя гнусности“. Къ сожалѣнію, дѣлая это, мы говоримъ только то, что извѣстно всякому, а именно, что эти античныя учрежденія не соответствуютъ болѣе современнымъ условіямъ и нашимъ чувствамъ, которыя опредѣляются этими условіями. Но мы изъ этого не узнаемъ рѣшительно ничего о томъ, какъ эти учрежденія возникли, почему они существовали, и какую роль они играли въ исторіи. Если мы обратимся къ этимъ вопросамъ, то мы должны будемъ сказать, какъ бы это ни звучало противорѣчиво и еретически, что введеніе рабства при условіяхъ того времени было большимъ шагомъ впередъ. Нельзя вѣдь оспаривать тотъ фактъ, что человѣчество вачало свою жизнь съ животнаго состоянія и потому нуждалось въ варварскихъ, почти животныхъ средствахъ для того, чтобы подняться изъ варварства“. (AD. 173—174, ср. также аналогичное мѣсто еще въ „Misère de la philosophie“, нѣм. пер. изд. 1885 г. 103).

Эта черта историко-экономическаго матеріализма—его объективизмъ—являлась недавно предметомъ оживленной полемики между двумя нѣмецкими учеными, Воль-

фомъ и Зомбартомъ. Первый въ своей книгѣ „Der Sozialismus und die kapitalistische Wirtschaftsordnung“ обнаружилъ въ критикѣ современнаго социализма и въ частности—ученія Маркса очень поверхностное и легкомысленное отношеніе къ предмету. Зомбартъ въ очень рѣзкой рецензій (Brauns Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik 1892, 487—498.) указалъ на ошибки Вольфа. Вольфъ отвѣчалъ (A. f. s. G. u. S. 1893. 135—147) и вызвалъ новое возраженіе со стороны Зомбарта (тамъ же 147—164). Эта полемика для насъ очень поучительна. Зомбартъ указываетъ, что Вольфъ совсѣмъ не замѣтилъ чисто теоретическаго характера марксизма. „Въ томъ, что Вольфъ придаетъ этическій характеръ ученію Маркса (die Lehre von Marx verethisirt)... заключается прѣтотъ фѣбодъ критическихъ разсужденій его книги“. Отъ прочихъ социалистическихъ системъ, которыя Зомбартъ объединяетъ подъ названіемъ этическаго социализма, марксизмъ отличается, по его мнѣнію, своимъ антиэтическимъ ¹⁾ характеромъ. „Въ самомъ марксизмѣ съ начала до конца нѣтъ ни одного грана этики“. Если Марксу достаточно было только показать, что современный социальный строй дурень и несправедливъ, и потому долженъ быть устраненъ, то зачѣмъ его упорная борьба съ утопизмомъ, зачѣмъ „грандіозный аппаратъ матеріалистической теоріи исторіи“, зачѣмъ, наконецъ, 3 тома „Капитала“?—спрашиваетъ Зомбартъ. Но послушаемъ самихъ виновниковъ ученой полемики. „Когда мы говоримъ: то-то несправедливо, того-то быть не должно, то это ближайшимъ образомъ не затрагиваетъ экономіи. Мы говоримъ только, что данный экономическій фактъ

¹⁾ Этотъ терминъ «антиэтический» нельзя назвать удачнымъ. См. дальше въ текстѣ.

противорѣчить нашему нравственному чувству. Марксъ поэтому никогда не основываетъ своихъ... требованій на такомъ (т.-е. нравственномъ) основаніи (M. d. I. рh., предисловіе Энгельса X). „Въ нравственномъ негодованіи, какъ бы оно ни было справедливо, экономическая наука не можетъ видѣть никакого доказательства; онъ для нея только симптомъ“. (AD. 140, ср. также 148). Обобщеніе труда, какъ всякій экономическій прогрессъ, дѣлается возможнымъ (wird ausfuehrbar) не благодаря сознанію того, что существованіе классовъ противорѣчитъ справедливости, равенству, не въ силу простаго желанія (nicht durch den blossen Willen) уничтожить эти классы, но благодаря извѣстнымъ „новымъ экономическимъ условіямъ“ (AD. 269)¹⁾.

Ученіе Маркса, какъ научная доктрина, не носитъ „антиэтического“ характера; оно просто объективная теорія, изслѣдующая то, что было, есть и будетъ, какъ необходимый закономерный результатъ прошлаго и настоящаго. Этическая точка зрѣнія подчинена принципу цѣлесообразности; научная точка зрѣнія подчиняется и этотъ принципъ другому — принципу причинности, который есть общій законъ мышленія. „Телеологическое воззрѣніе на вещи вытекаетъ изъ совершенно другого побужденія (Interesse) духа, чѣмъ познаніе и наука. То, что познано какъ необходимое, во многихъ случаяхъ является въ то же время цѣлесообразнымъ по отношенію къ волѣ, но совершенно не одно и то же — признать какой нибудь фактъ цѣлесообразнымъ и познать проис-

¹⁾ Философъ *Бутервегъ* формулируетъ это такъ: Moralische Postulate schlagen keinen historischen Zweifel nieder. Denn aus der Idee dessen, das geschehen soll, folgt nie, dass es je geschehen wird, so ernsthaft sich auch wohlwollende Metaphysiker in diese Folgerung vertiefen mögen (Fr. Bouterweks Kleine Schriften Erster Band. Göttingen 1818, 147).

хожденіе этой цѣлесообразности. Практическая оцѣнка не можетъ стать на мѣсто теоретическаго познанія (Riehl, Der philosophische Kriticismus II. 2, 342). Если мы подъ марксизмомъ будемъ разумѣть безусловно объективную часть воззрѣній Маркса и примемъ во вниманіе, что его „прогнозъ“, прямо какъ таковой, не можетъ имѣть безусловно обязательнаго характера для всякаго изслѣдователя (хотя бы и принимающаго все остальное ученіе Маркса), то мы должны будемъ допустить, что можно быть марксистомъ, не будучи социалистомъ. Съ другой стороны, мы вполнѣ поймемъ существованіе социалистовъ, отъ всей души ненавидящихъ марксизмъ, именно за его объективизмъ, сурово напоминающій о границахъ поставленныхъ личному творчеству, и подрѣзающій крылья пламеннымъ мечтаніямъ.

Но, какъ детерминизмъ не есть фатализмъ, а напротивъ, исключаетъ послѣдній, такъ-же точно объективизмъ — который можно охарактеризовать, какъ мышленіе по принципу причинности — не осуждаетъ людей на бездѣйствіе. Наоборотъ, только благодаря ему, становится возможной разумная цѣлесообразная дѣятельность. (См. выше, стр. 64—65). „Міръ и жизнь не могутъ дѣлать войти въ науку. Наслѣдственный грѣхъ метафизики всѣхъ временъ состоялъ въ томъ, что она принимала безусловное уравненіе между наукой и жизнью, что для нея всякое бытіе было вполнѣ познаннымъ бытіемъ, словомъ, что она считала систему за міръ. Кромѣ царства науки есть царство нравственнаго дѣянія и царство художественнаго творчества. Ни одно изъ этихъ царствъ не должно вторгаться во внутреннія дѣла другого и нарушать ихъ ходъ, потому что каждое изъ нихъ представляетъ особую сторону реальнаго міра“ (Riehl

l. с. II, 1.291). Это вѣрно, но горе тому нравственному дѣянію, которое игнорируетъ результаты работы объективной мысли!

VIII.

Выясненіе основннхъ положеній историко-экономическаго матеріализма даетъ намъ въ руки правильный масштабъ для оцѣнки двухъ факторовъ, играющихъ весьма важную роль во всѣхъ народническихъ построеніяхъ. Мы говоримъ объ интеллигенціи и государствѣ. Если общественные классы являются выраженіемъ экономической дифференціаціи данной социальной среды и, если всѣ вообще общественныя группы представляютъ изъ себя реальную силу, только посколькѣ они имѣютъ такой характеръ, т.-е. или совпадаютъ съ общественными классами, или къ нимъ примыкаютъ, то очевидно, что „бессловная интеллигенція“ не есть реальная общественная сила. Къ тому же, чѣмъ дальше будетъ идти процессъ экономической эволюціи, чѣмъ больше онъ будетъ выясняться, тѣмъ скорѣе будетъ теряться единство взглядовъ интеллигенціи на основныя экономическія вопросы. „Объединеніе“ можетъ произойти только въ той области, центральное значеніе которой будетъ лучшимъ показателемъ того, что процессъ смѣны старыхъ экономическихъ формъ новыми уже очень далеко подвинулся впередъ. Намъ могутъ замѣтить, что тѣ, кто рассчитываетъ на защиту и дальнѣйшее развитіе старыхъ „народныхъ“ формъ жизни соединенными усиліями интеллигенціи и народа, центръ тяжести полагаютъ въ послѣднемъ. Это указаніе будетъ совершенно вѣрнымъ: признанія первенствующаго значенія за народомъ требуютъ и здравый смыслъ, и элементарное соціологическое раз-

сужденіе. Поэтому недостаточно указать на то, что „бессловная интеллигенція“ не имѣетъ никакого серьезнаго, самостоятельнаго значенія для социально-экономической эволюціи, надо доказать, что разложеніе стараго экономического строя неизбежно. Если мы рѣшили уже теперь устранить изъ нашихъ разсужденій интеллигенцію, то не потому, что признаніе ея *бессилія* въ экономическомъ процессѣ—на нашъ взглядъ—рѣшило бы разомъ весь споръ. Намъ казалось важнымъ съ самаго начала заявить, что съ нашей точки зрѣнія интеллигенція en masse не есть ничто существующее отдѣльно отъ экономически господствующихъ классовъ, имѣющихъ совершенно-опредѣленные интересы и играющихъ вполне опредѣленную роль въ экономической эволюціи, она съ ними *тождественна*: кучка же идеалистовъ, мечтающихъ о сохраненіи „устоевъ“, есть въ *соціологическомъ* отношеніи *quantité négligeable* ¹⁾. Давно пора это громко признать.

Соціологическое значеніе государства выяснено выше. Въ первой половинѣ XIX-го вѣка, въ качествѣ теоретическаго выраженія потребностей развивающагося капитализма, окончательно сформировалось ученіе объ экономическомъ *бессиліи* государства и было заявлено „наукой“ требованіе полнаго невмѣшательства его въ экономическую жизнь и въ социальныя отношенія; единственной задачей государства было превозмашено охраненіе

¹⁾ Мы нарочно подчеркиваемъ, что считаемъ «кучку идеалистовъ» *quantité négligeable* въ *соціологическомъ* отношеніи, такъ какъ вполне признаемъ и ея интеллектуальную мощь, и ея великое этическое значеніе, но дѣятельность идеалистовъ не можетъ воззвать ничего прочнаго наперекоръ тому, что выдвигается стихійнымъ историческимъ процессомъ. Примкнувъ къ послѣднімъ, идеалисты могутъ, повидимому, двигать горами, но признавать ихъ поэтому движущей силой, значитъ впадать въ ту ошибку, надъ которой смѣется Мефистофель: Du glaubst zu schieben und du wirst geschoben.

„правового порядка“. Эта „Nachtwachtidee“ — оказалась несостоятельной и в теоретическом, и в практическом отношении. Реакция против низведения государства до роли будочника достаточно известна. Она сказана в полной мере и в нашей литературе. У нас и в данном случае опять-таки — в народнической литературе, отрицание старых взглядов на государство приводит к игнорированию *социологической природы* государства. От государства требуют чудеса, которых оно, конечно, не может творить, забывают, что государство есть не только организация порядка, но и организация господства, и что до тех пор, пока оно есть выражение господства известных общественных классов, его экономической политике поставлены известные границы: что нужно перераспределение социальной силы между отдельными классами для того, чтобы государство коренным образом изменило свой „курс“. Забывают, что там, где существует „товарное производство“, из этого экономического факта необходимо вытекают известные социальные последствия, пред которыми государство бессильно: что до тех пор, пока основы экономического строя не испытали коренного изменения, вмешательство государства в область *распределения* не может простираться так далеко, как этого хотелось бы „кающемуся дворянину“, хотя бы потому, что кающиеся тонут в море нераскаянных. Словом, одна крайность сменила другую: государству приписана такая творческая сила, которой у него нет и быть не может.